

² Кривоногов В. П. К вопросу об этническом самосознании и этнонимах у чувлымских тюрков // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии и языкознания). Матер. Всероссийской конференции. Омск, 1992. С. 36—39.

³ См.: Сатлаев Ф. А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX века). Горно-Алтайск, 1974. С. 79. По устному сообщению проф. Л. П. Потапова, в 1920—1930-е гг. кондомские шорцы использовали для подклеивания камуса черемуховый клей. По моим полевым материалам 1990 г., челканцы для этой цели использовали клей из конских сухожилий (пос. Турачак, с. Курмач-Байгол).

⁴ Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. протоиерей В. Вербицкий. Казань, 1884. С. 200.

⁵ Полевые материалы автора. Записано 2 августа 1990 г. в с. Курмач-Байгол от Я. Б. Крачнакова, 1926 г. р., сеок Шакшылу, кезек Теткыр.

⁶ Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. 3. Оп. 1. № 242 и др.

⁷ Подробнее см.: Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII — первой четверти XX в.: историко-этнографическое исследование. М., 1993. С. 67—68.

© 1994 г., ЭО, № 5.

Н. Ф. Мокшин. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 240 стр.

Известный ученый, автор многих монографий по разным аспектам мордовского этноса Н. Ф. Мокшин опубликовал еще один труд, адресованный широкому кругу читателей. Книга называется «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников», но она шире названной темы и по существу дает представление обо всем процессе накопления историко-этнографических знаний о мордовском народе, начиная от готского историка Иордана (середина VI в.) и кончая нашими днями.

Книга содержит несколько разделов, посвященных европейским ученым и путешественникам от раннего средневековья до XVII века, восточных путешественников и русским письменным источникам того же времени. Затем идет раздел о российских ученых и путешественниках XVIII века, XIX — начала XX века, и, наконец, ученых советского периода и наших дней. В рамках этих разделов отдельные главки посвящены отдельным авторам, иногда группе авторов, объединенных общей эпохой и сходной направленностью трудов.

Можно сказать, что Н. Ф. Мокшину удалось создать своего рода энциклопедию по истории изучения мордвы. В каждой из глав он дает основные сведения о соответствующем авторе, обстоятельствах, которые привели его в соприкосновение с мордовской проблематикой, краткую характеристику содержания трудов и тех сведений, которые имеются в них относительно мордвы и то место, которое эти труды занимают в постепенном накоплении знаний о мордве. В примечаниях же даны библиографические сведения об этих трудах, так что книгу Н. Ф. Мокшина можно рассматривать как достаточную для интересов широкого читателя библиографию основных трудов по мордовской этнографии.

Из книги мы узнаем, когда впервые и в какой связи стали известны в Европе и на Востоке этническое имя мордвы, места ее расселения, характерные этнографические особенности. Поскольку каждый раздел выдерживает в общем хронологический порядок, можно видеть и как постепенно меняются и расширяются эти знания и как меняется и объем сообщаемых сведений и само их конкретное содержание, отражающее эволюцию этнического облика народа, его образа жизни и обычаев.

С середины XIX века этнография становится специализированной дисциплиной, и появляются учреждения, ориентированные на этнографические исследования. В России важнейшим из них стало Русское географическое общество с отделением этнографии. Членами РГО было собрано немало ценных материалов по этнографии мордвы. Часть из них вошла в широкий научный обиход, немало интересных работ остается неопубликованными и хранится в архивах РГО. Н. Ф. Мокшин проделал большую работу по поиску этих материалов и приводит в своей книге список наиболее существенных из них. Охарактеризованы в книге также мордоведческие научные мероприятия ОЛЕА (Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии) при Московском университете и Общества естествоиспытателей при Казанском университете (в дальнейшем Общества археологии, истории и этнографии), Финно-угорского Общества в Гельсингфорсе

(Хельсинки), и в специальном разделе — деятельность музеев России по сбору мордовских этнографических коллекций.

Переходя к анализу советского периода изучения мордвы, Н. Ф. Мокшин отмечает как позитивные сдвиги, выразившиеся в организации ряда исследовательских экспедиций, научных сессий, так и тот урон, который был нанесен необоснованными репрессиями, обрушившимися на лучшие кадры мордовских ученых. Последние, к сожалению, перечислены очень бегло, и в дальнейшем читатель может узнать о деятельности только самых выдающихся из них, таких, как, например, М. Т. Маркелов. Тогда как сведения ранних путешественников и хронистов, до начала XIX в., должны рассматриваться в своей целостности как источники для изучения этнографии мордвы, сочинения наблюдателей и исследователей XIX—XX вв., чем далее, тем более профессиональных по своим подходам и интересам, не столько являются источниками сами по себе, сколько вводят в научный оборот историко-этнографические источники нового типа, являющиеся ключевыми при изучении этнографии бесписьменных и младописьменных народов, а именно, отдельные культурные комплексы. Эти обстоятельства, в частности, и делают вполне оправданным выделение Н. Ф. Мокшиным принятых им хронологических рубежей при изложении своего материала.

Ориентация на введение культурных комплексов в научный оборот уже с начала века может быть прослежена в трудах, даже принадлежавших перу тех авторов, которые еще не могут быть названы профессиональными исследователями. Так, например, свой вклад в изучение духовной культуры народов Поволжья внес известный русский публицист Н. А. Добролюбов: он сконцентрировал внимание на фольклоре, прежде всего на пословицах и поговорках. Именно Добролюбов отметил и выделил, как особо значащую для понимания сущности русско-мордовских отношений, звучащую сегодня как классика народной мудрости русскую пословицу, бытовавшую в Нижегородской губернии: «С боярами знаться честно, с попами свято, а с мордвой, хоть грех, да лучше всех». В. А. Ауновский был одним из первых авторов, оставивших специальные этнографические очерки мордвы. В этом разделе изложение автора в наибольшей степени приобретает не только историографический, но и источниковедческий характер. Здесь достаточно детально показано, в какой степени имеют самодовлеющую ценность историко-этнографические источники исследования, посвященные отдельным крупным этнографическим и антропологическим темам. В этом плане следует отметить разобраные автором труды В. Н. Белицер о мордовской традиционной одежде, Т. А. Крюковой по народному искусству (более всего по тканью и вышивке), В. А. Никонова по ономастике, А. И. Маскаева по эпическим сказаниям и песням, К. Ю. Маркс по физической антропологии мордвы и др. Эти исследования позволяют пролить дополнительный свет как на внутреннее развитие мордовского этноса, его расселение, образование его локальных групп, так и на различные компоненты в его этногенезе, его разносторонние и многоплановые этнокультурные связи и контакты.

Автору удалось проследить, в частности, как в источниках отражается многокомпонентность генезиса мордвы, прежде всего, наличия в ее составе двух основных групп — эрзи и мокши. При этом существенно отметить, что первоначально под этнонимами с корнем типа «морд» фигурирует по-видимому именно эрзя, а этнонимы типа «мокс», «мокш» первоначально фигурируют как равноценные первым или родственные им, но отдельные от них, и лишь позднее, уже на пороге нового времени, обе эти группы начинают рассматриваться как части общемордовской целостности.

Н. Ф. Мокшин проделал большую работу по критическому анализу источников, показывая, в какой мере сообщаемые ими сведения достоверны, а какие являются результатом ошибки или недоразумения, какие реальности, мордовские слова, имена и факты могут стоять за искаженными сведениями и как могло произойти это искажение. Однако, мне кажется, что по меньшей мере в двух отношениях Н. Ф. Мокшин недостаточно обоснованно отрицает соответствие сообщений источников реальной действительности. В ряде источников, начиная с В. Рубрука, либо указывается, что часть мордвы исповедует ислам, либо мордва упоминается в составе разных групп татар. Н. Ф. Мокшин то и другое считает чистым недоразумением и безоговорочно утверждает, что мордва никогда не исповедовала исламскую религию.

Между тем, к указанным сообщениям следовало бы относиться с большим вниманием. Известно, что мордва, в особенности в периферийных районах своего расселения, активно включалась в ассимиляционные процессы и, в частности, многие ее группы вливались в состав русского этноса, разумеется, предварительно принимая христианство. Если сегодня нам неизвестны исламизированные группы мордвы, это не значит, что их не могло быть в прошлом, но такие группы не оставались,

по-видимому, в составе мордовского этноса, а переходили в дальнейшем к татарскому этническому самосознанию. Вполне возможно, что некоторые источники отразили именно этот процесс, и поскольку их авторы контактировали прежде всего с татарами, то они и распространяли *разумеется* неправомерное родовое понятие на мордву.

Второе, неоднократно повторяющееся и в ранних и в довольно поздних источниках сообщение, которое вызывает неприятие Н. Ф. Мокшина, это сообщение о значительной свободе половых отношений, в том числе добрачных, у мордвы. Н. Ф. Мокшин настаивает на том, что в традициях мордовского этноса большое значение придавалось девичьей добропорядочности, считает такие сообщения вымышленными или в лучшем случае отголосками «более ранних форм брака», имевших место в первобытности. Однако этнографический материал по многим народам, в том числе и по русским, показывает, что в этом очень сложном и важном для жизни этноса вопросе, т. е. в вопросе брачной и половой свободы, имеющиеся данные не могут и не должны истолковываться односторонне или абсолютизировано. Переход от общинной морали к морали индивидуалистической и частновладельческой, от анимистических, политеистических религиозных воззрений к кодифицированной официальной религии связан с переходом от архаичных брачно-половых моральных норм к новым более жестким нормам. При этом весьма разные, диаметрально противоположные обычаи могут долгое время соседствовать у разных групп одного и того же этноса, сильно различаясь иной раз даже в соседних деревнях, поэтому отрицание Н. Ф. Мокшиным достоверности многократно встречающихся в источниках сведений о значительной половой свободе у мордвы представляется чрезмерно категоричным.

В книге имеется глава, посвященная деятельности самого Н. Ф. Мокшина. Она написана о нем В. И. Васильевым и Р. Ш. Джарылгасиновой. В ней отмечается многосторонность интересов Н. Ф. Мокшина, большая научная ценность вышедших из-под его пера книг. Можно сказать, что и новая книга Н. Ф. Мокшина является очередным ценным вкладом в расширение и углубление этнографических знаний о мордовском этносе и будет с интересом и удовлетворением встречена читателем.

С. А. Арутюнов

© 1994 г., ЭО, № 5

Астраханские татары/под ред. Д. М. Исхакова, Н. А. Халикова. Казань, 1992, 165 с.

Нельзя не приветствовать выход в свет научного издания, специально посвященного слабо разработанным и основательно забытым проблемам этнографии тюрко-татарского населения Астраханской области. Тем более, что материалы сборника подготовлены с учетом широкого круга источников, в том числе совершенно оригинальных. Авторы тщательно проанализировали данные дореволюционной и современной литературы, музейных и архивных собраний. Ими были использованы материалы полевой этнографической экспедиции, которую специалисты Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова провели в августе-сентябре 1989 г. в Астраханской области.

Следует отметить, что авторы сборника не только хорошо знают публикации последних лет в астраханской областной и районной прессе (там активно обсуждались вопросы истории и этнографии), но и подвергают их критическому анализу. К сожалению, в рецензируемый сборник не вошли материалы краеведческих конференций, касающиеся тюркской этнографии и изданные в Астрахани в 1989—1992 гг.

Основное внимание в книге сконцентрировано на проблемах этнической истории и этапах расселения татар (Д. М. Исхаков), их хозяйственной культуры (Н. А. Халиков, Ю. Г. Мухаметшин), ткачества и традиционной одежды (Ф. Ш. Сафина, С. В. Сулова), обычаев и праздников (Р. К. Уразманова, Ф. С. Баязитова), свадебной обрядности (Ф. Л. Шарифуллина), языка, его диалектов и говоров (Л. Ш. Асланов, Ф. С. Баязитова).

Значительный интерес представляют приводимые в сборнике сведения по структуре овощеводческого и животноводческого хозяйства, приемам рыболовства. Авторами зафиксировано пре-